

ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА

Е.А. Островская

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ГЛОБАЛЬНЫХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена анализу межкультурного глобального взаимодействия в формате транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий. Статья включает три раздела. Первый содержит рассмотрение основных компонентов транснационального подхода. Второй — авторскую концепцию транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий. Третий — социологический анализ транснациональной коммуникативной сети уйгурского национализма.

Ключевые слова: транснациональный подход, транснациональные коммуникативные сети, религиозная идеология, диаспора, транснациональная коммуникативная сеть уйгурского национализма.

В конце 1990-х гг. дискурс о процессах глобализации мира, соприкосновениях локальных культур, размывании границ традиционных культур и формировании новых социокультурных идентичностей обогатился новым направлением исследований — транснациональным подходом. Рожденный в недрах социологии миграций, он поначалу заявил о себе серией рабочих концепций — «транснационализм», «транснациональные социальные поля», «трансмигранты», «транснациональные сообщества». Все они были призваны выявить, ухватить, идентифицировать принципиально новую реальность, порожденную глобальным форматом взаимодействий, организационных связей и потоков разнообразных межкультурных коммуникаций. Реальность эта не умещалась в привычные рамки понятий национальных государств,

Островская Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (helostr@pochta.ru).

политических территорий, эмиграции и иммиграции, этнических и национальных идентичностей, культурной ассимиляции, адаптации и аккомодации. Благодаря совокупным усилиям социологов, антропологов, экономистов и политологов разных стран, объединившихся в международный научный коллектив «транснациональных исследований»*, социология обогатилась принципиально новым подходом.

Крупные исследовательские центры и институты, занимающиеся изучением феномена транснационального, возникли во многих странах Европы. Наибольшей популярностью пользуются Берлинская высшая школа транснациональных исследований (Berlin Graduate School for Transnational Studies) в Германии** и Центр изучения диаспор и транснациональных исследований в университете Торонто (Center of Diaspora and Transnational Studies) в Канаде***. Именно в университете Торонто издается известный широкой научной общественности журнал «Диаспора: журнал транснациональных исследований», в котором были опубликованы исследования, ставшие на сегодняшний день программными по транснациональным сообществам и диаспорам****.

* Результаты этих исследований были опубликованы на официальном сайте международного исследовательского проекта, получившего название «Программа исследований транснациональных сообществ» (Transnational Communities Programme) [<http://www.transcomm.ox.ac.uk>] (дата обращения 25.11.2012). Эта программа была создана в одном из ведущих научных и исследовательских центров Великобритании — Институте социальной и культурной антропологии Оксфордского университета. Ее целью стало изучение многомерных политических, экономических, этнических, религиозных и культурных взаимодействий поверх существующих границ. Помимо преподавателей и исследователей Оксфордского университета в Программе были задействованы специалисты других известных британских университетов и исследовательских центров: Кембриджского университета, Уэльского университета, Ливерпульского университета, Манчестерского университета, университета Кардифа, Лондонской школы экономики (LSE), Центра по изучению ислама и христианско-мусульманских отношений (CSIC), Центра транснациональных правовых исследований (CTLS) и др. Кроме того, активными участниками проекта стали американские, французские и немецкие антропологи, социологи, экономисты.

** Официальный сайт Берлинской высшей школы транснациональных исследований: [http://www.transnationalstudies.eu/home.php?nav_id=363] (дата обращения 14.04.11).

*** Официальный сайт Центра изучения диаспор и транснациональных исследований в университете Торонто: [<http://www.utoronto.ca/cdts/>] (дата обращения 14.04.11).

**** Официальный сайт журнала «Diaspora: a journal of transnational studies»: [<http://www.utpjournals.com/diaspora/diaspora.html>] (дата обращения 25.03.11).

Транснациональный подход нацелен на изучение новых форм и практик межкультурного взаимодействия, осуществляемого поверх и помимо национальных, государственных, территориальных, политических и прочих границ. Само исследование межкультурных коммуникаций и взаимодействий такого рода позволяет сформировать социологические представления о социокультурном феномене транснационального, воплощающем себя в новых культурных практиках, идентичностях, новых агентах культурных трансформаций и деятельности в различных контекстах.

В российской социологической литературе этот подход еще не получил должного освещения. В силу этого представляется весьма полезным рассмотреть динамику его формирования и основные концептуальные составляющие.

Методологической предпосылкой подхода выступили исследования в области международного права, политологии и экономики. Так, одно из ключевых понятий — «транснациональное» — было введено в 1970-х гг. специалистами в области международного права для обозначения вновь возникших международных неправительственных организаций и выстраиваемых ими новых типов межкультурных взаимодействий (Kaisen 1971; Keohane, Nye 1971; Mansbach, Ferguson, Lampert 1976). Одними из первых термины «транснационализм» и «транснациональные акторы» ввели в обиход политологии и международных отношений Джозеф С. Най-мл. и Роберт О. Кеохэйн. Они предложили использовать эти термины для обозначения международной активности крупных неправительственных организаций (Keohane, Nye 1971). В отличие от государств, политических акторов, сдерживаемых территориально-политическими границами, нормами международного права и проч., транснациональные организации выстраивают новые типы социальных, экономических, политических взаимодействий, порождающие новые культурные паттерны, фреймы, идеологии.

Идеи Найа и Кеохейна получили дальнейшее развитие в трудах Мартина Элброу, авторитетного британского социолога, принявшего активное участие в разработке «Программы исследований транснациональных сообществ». В определении Элброу, транснациональные взаимодействия поверх государственных и территориальных границ следует отличать от международных отношений. Он утверждает, что международные отношения — это социальные, экономические, политические, культурные взаимосвязи суверенных государств и их представителей. Государства здесь выступают как закрытые социальные пространства. Элброу противопоставляет международным отношениям транснациональные взаимодействия индивидов и групп, сепарированных территориально, разбросанных по всему миру. Эти множественные

взаимодействия стирают культурную значимость государственных и территориальных границ, размывают их непреодолимость. Сама возможность такого рода взаимодействия обретаема благодаря формированию у акторов общности целей, интересов и идентичности. Так, члены международных неправительственных организаций ощущают себя одним целым, несмотря на разделяющие их границы, что, по мысли Элброу, выступает главной характеристикой транснациональных взаимодействий (Albrow 1998).

В социологию и антропологию понятие «транснациональное» плотно вошло в 1990-е гг. в связи с обнаружением многомерных политических, экономических, этнических и межкультурных взаимодействий иммигрантов со странами исхода. Наиболее весомый вклад внесли американские антропологи Нина Глик-Шиллер, Линда Бэш и Кристина Сзэнтон-Блэнк, занимающиеся проблемой международных миграций. Они первые обратили внимание исследователей на тот факт, что прежние концепции изучения миграций, ставшие уже классикой этнологии, антропологии и социологии миграций, оказываются бесполезными в изучении новых диаспор, новых миграций и трансформаций, переживаемых объектом изучения в процессах глобализации. В своих полевых исследованиях диаспор, транснациональной миграции и беженцев они обнаружили, что современные мигранты не только не утрачивают связей со страной исхода, но активно поддерживают политическое и экономическое ее развитие и даже возвращаются обратно (Glick Schiller, Basch, Szanton Blanc 1992). Для анализа и описания устойчивых социальных, экономических, политических, религиозных и прочих взаимодействий иммигрантов со страной исхода исследовательницы предложили использовать понятия «транснациональное социальное поле» и «трансмигранты» (Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc 1995: 52).

Множественные взаимодействия мигрантов поверх государственных и территориальных границ превращают принимающие страны и страну исхода в единое пространство коммуникаций. Глик-Шиллер, Бэш и Сзэнтон-Блэнк в своих исследованиях предлагают использовать понятие «транснациональное социальное поле» для анализа и описания вновь обнаруженного пространства социокультурных взаимодействий, не ограниченных конкретной территорией. Таким образом, согласно этим положениям, миграция оказывается не перемещением людей из одной страны в другую, а способом расширения пространства социокультурных взаимодействий (Ibid).

В связи с обсуждением уменьшения значимости государственных и территориальных границ в контексте социальных взаимодействий Глик-Шиллер, Бэш и Сзэнтон-Блэнк ставят под сомнение правомерность понятия «национальное государство». По их мнению, в результате

интенсивной миграции национальные государства претерпевают изменения. Исследователи указывают, что у правительств этих государств появляются возможности сохранять тесные взаимосвязи с эмигрантами и беженцами, проживающими в разных странах (Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc 1994: 2–20). Соответственно, предлагается не рассматривать общую территорию в качестве одного из главных признаков национального государства. Исследователи подчеркивают, что в настоящее время наличие единой территории не является обязательным условием существования взаимосвязей между гражданином и государством. В частности, эмигранты оказывают влияние на политическую деятельность страны исхода, находясь за ее пределами. Во многих государствах открывают специальные избирательные участки, чтобы иммигранты имели право голоса на выборах, проходящих в стране исхода (Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc 1995: 55).

В своем теоретизировании о новых глобальных сетях связей, образуемых трансмигрантами, Глик-Шиллер, Бэш и Сзэнтон-Блэнк зашли так далеко, что предложили использовать понятие «детерриторизированного национального государства» для обозначения нового типа государств, которые, по их мнению, существуют независимо от конкретной территории (Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc 1994: 10). Они утверждают, что «гражданами» такого государства оказываются эмигранты и беженцы, пространственно разбросанные по всему миру, но сохраняющие устойчивые связи со страной исхода.

Понятие «детерриторизированного национального государства» вызвало шквал критики у социологов. Так, Людгер Прис считает, что само понятие «национальное государство» подразумевает наличие конкретной территории и нации, которая на этой территории проживает. Государства на политической карте мира — это всегда четко ограниченные географические пространства и, соответственно, рассмотрение национального государства без связи с конкретной территорией методологически ошибочно (Pries 2001: 16). Вместе с тем Прису импонирует сама идея Глик-Шиллер, Бэш и Сзэнтон-Блэнк о социальных взаимодействиях поверх государственных и территориальных границ. Более того, он активно использует введенное ими понятие «транснациональное социальное поле» для анализа множественных взаимодействий, которые охватывают несколько государств (Ibid: 18). Таким образом, Прис соглашается рассматривать социальные взаимодействия как детерриторизированные, т. е. не ограниченные конкретной территорией. Однако понятие «детерриторизированное национальное государство» он все-таки предлагает заменить понятием «транснационального социального пространства».

Транснациональное социальное пространство — это конфигурации социальных взаимодействий, артефактов, символических систем,

объединяющие как минимум две страны. Прис отмечает, что транснациональные социальные пространства образованы взаимодействиями поверх государственных и территориальных границ не только мигрантов, но и членов международных независимых организаций и международных компаний (Ibid: 23).

Возникновение транснациональных социальных пространств Прис увязывает с деятельностью новых международных организаций, способных оказывать влияние на смысловой контент взаимодействия между суверенными государствами. Не менее важным фактором выступило и вовлечение государств в мировой рынок, повлекшее за собой формирование устойчивых международных экономических взаимодействий между ними. К основным формам этих взаимодействий относятся международная торговля товарами и услугами, международное движение капитала в форме иностранных инвестиций и кредита, международная миграция рабочей силы, международное производственное и научно-техническое сотрудничество, международное разделение труда.

Следующий по значимости фактор формирования транснациональных социальных пространств — это образование новых паттернов международной миграции, предполагающих поддержание межкультурных связей между принимающей страной и страной исхода. Благодаря современным электронным средствам связи, денежным переводам, участию в выборах, проходящих в стране исхода, мигранты не только сохраняют устойчивые связи со страной исхода, но и дистантно обучают новой социокультурной компетентности тех, кто остался. Таким образом, государственные и территориальные границы не препятствуют более межкультурным взаимодействиям.

Наконец, фактор, подлежащий также самому пристальному вниманию, — это этническая и религиозная неоднородность современных государств. Прис полагает, что именно множественные взаимодействия этнических и этнорелигиозных сообществ поверх существующих границ стимулировали разнообразные этнические и этнорелигиозные конфликты (Ibid: 4–15).

Отдельно надо отметить разработки американского социолога Пэгги Левит, неоднократно публиковавшейся в соавторстве с упомянутой выше Глик-Шиллер по проблемам теории и методологии транснационального подхода. Она является крупным представителем социологического направления в изучении феномена транснационального. Кроме того, именно Левит принадлежит заслуга введения в научный дискурс темы транснациональных религиозных корпораций (Levitt 2007).

В своих работах Левит использовала введенное Глик-Шиллер, Бэш и Сзэнтон-Блэнк понятие «трансмигрант» для концептуализации результатов своих многолетних эмпирических исследований мигрантов из

Доминиканской республики, Мексики и Бразилии, проживающих в США. Она выявила, что их повседневные практики охватывают несколько социокультурных пространств. Проживая в принимающей стране (США), они сохраняют связь с религиозными организациями страны исхода (Доминиканская республика, Мексика, Бразилия), принимают живейшее участие в ее политической жизни, не отказываются от права голосовать и т. д. (Levitt 2003: 850). Поддерживая связь с теми, кто остался, они ощущают свою принадлежность к стране исхода как значимую часть самоидентификации.

Левит соглашается с Глик-Шиллер, Бэш и Сзэнтон-Блэнк, что устойчивые взаимодействия мигрантов влияют на их идентичность. Она вводит понятие «социальных переводов» для обозначения идей, убеждений, представлений, которые транслируют мигранты в результате множественных взаимодействий поверх разделяющих их границ. Согласно ее мнению, итогом таких «переводов» становится конструирование новой общей транснациональной идентичности (Ibid: 849).

В своих последующих исследованиях она выявила, что ведущим фактором установления и закрепления связей со страной исхода выступает принадлежность к религиозным организациям, членами которых мигранты были на родине. В принимающей стране они становятся прихожанами той религиозной организации, которая поддерживает тесное сотрудничество с религиозными организациями страны исхода (Levitt 2001: 11). Левит предложила использовать понятие «транснациональной религиозной идентичности» для обозначения новой религиозной идентичности мигрантов. Такая идентичность — результат симбиоза практик и образов самосознания мигрантов, сформированных в стране проживания, и новых форм религиозной принадлежности и практик, усваиваемых в принимающих странах.

Новые конфигурации связей, формируемых эмигрантами, иммигрантами и теми, кто остался на родине, получили в дальнейшем обозначение «транснациональные сообщества», автором которого выступил американский социолог Алехандро Портес. Многолетние полевые исследования предпринимательской активности иммигрантов из Доминиканской республики, то покидающих родину во имя освоения новых экономических практик, то возвращающихся обратно, легли в основу интереснейших концептуализаций этого социолога. Он пришел к новому видению трудовых миграций, нацеленных в своем новом формате уже не на поиск доходного места или незанятой экономической ниши, а на создание мелкого и среднего бизнеса путем построения долгосрочных сетей связей эмигрантов, иммигрантов и тех, кто остался (Portes 1997a: 9–20). Таким образом, транснациональные сообщества — это плотные сети связей, образуемые иммигрантами в целях достижения экономического успеха

и политического признания (Portes 1997b: 812). Разработки Портеса позволили социологам продвинуться далее в направлении концептуализации феномена транснациональных сетей связей.

Подробный анализ с целью выявления ключевых акторов транснациональных социальных пространств был предпринят билефельдским социологом Томасом Фаистом. Вслед за Глик-Шиллер, Бэш, Сзэнтон-Блэнк, Левит и Прайсом, он признает в качестве исходной эпистемологической установки, что государственные и территориальные границы больше не препятствуют социальным, экономическим, политическим, культурным и прочим взаимодействиям. Он выделяет три основных типа транснациональных социальных пространств: транснациональные группы, транснациональные сети и транснациональные сообщества (Faist 2000: 194–196). Согласно Фаисту, транснациональные группы — это социальные пространства, объединяющие родственников, проживающих на разных территориях. Они сформированы мигрантами первого поколения. Члены «транснациональной семьи», находящиеся в разных странах, воспринимают себя как часть единого целого. Главной формой взаимодействия мигрантов в транснациональных группах Фаист считает реципрокацию — отношения социального обмена, основанного на взаимных обязательствах и взаимопомощи (Ibid: 194).

Транснациональные сети — это многомерные политические, экономические, социальные, религиозные и прочие взаимодействия поверх и помимо государственных и территориальных границ. В таких сетях главной формой взаимодействий между транснациональными акторами, по мнению Фаиста, становится социальный обмен услугами и информацией для достижения общих целей. В качестве иллюстрации исследователь приводит взаимодействие членов международных неправительственных организаций через границы нескольких государств. Защитники окружающей среды в международной организации «Гринпис» также консолидированы общей целью — решить глобальные экологические проблемы. Стремление добиться прекращения нарушений прав человека скрепляет членов такой всемирно известной организации, как «Международная Амнистия» (Ibid: 196).

Агентами межкультурных взаимодействий в этих пространствах выступают мигранты, правительства страны исхода и правительства принимающих стран, неправительственные организации обеих стран. Этих агентов Фаист и обозначает понятием «транснациональные акторы». Они проживают на территории разных государств, но пребывают в интенсивном взаимодействии друг с другом (Faist 2004: 18).

Необходимо отметить важное методологическое нововведение Фаиста. Он задается вопросом о социальных механизмах, обеспечивающих

воспроизводство транснациональных связей, обменов и т. д. и гарантирующих их легитимность. В качестве одного из очевидных примеров такого рода механизмов ему видится правовая толерантность по отношению к двойному гражданству. Анализ этого аспекта существования транснациональных акторов Фаист считает весьма значимым, поскольку гражданство маркирует социальные структуры, закрытые для аутсайдеров и вновь прибывших, а также границы, которые необходимо преодолеть во имя обретения членства (Faist 2010: 1667). Гражданство включает три принципиальных аспекта: доступ к политическому участию, права и легальный статус, принадлежность к одному или нескольким политическим сообществам. Таким образом, двойное гражданство, ставшее отличительным признаком транснациональных акторов, реструктурирует представления о самом феномене границ социальных, политических групп, наций и государств.

Анализ современных социологических работ о феномене транснационального позволяет заключить, что социальные взаимодействия транснациональных акторов, которые осуществляются поверх государственных и территориальных границ, — не единственный признак существования транснационального социального пространства. Так, в работах С. Вертовека — руководителя Программы исследований транснациональных сообществ — акторы в транснациональном пространстве обнаруживают общую идентичность (Vertovec 2001a: 573). Новый тип социокультурной идентичности, порождаемой одновременной принадлежностью мигрантов к разным общностям, национальным государствам, территориям, Вертоveck обозначил понятием «двойная или множественная идентичность».

В работах Глик-Шиллер, Бэш, Сзэнтон-Блэнк, Левитт тема идентичности также занимает значительное место. Они подчеркивают, что трансмигранты ощущают свою принадлежность к двум государствам — принимающей стране и стране исхода. Для анализа и описания общей идентичности мигрантов, проживающих на территории разных государств, исследовательницы предложили использовать понятие «транснациональной идентичности». Транснациональная идентичность формируется в результате постоянных взаимодействий мигрантов поверх государственных и территориальных границ. В ходе таких взаимодействий мигранты оказывают влияние друг на друга, обмениваются ценностями и убеждениями, вследствие чего их идентичность претерпевает изменения (Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc 1995: 48).

Проделанный выше анализ концепций, составивших в своей совокупности основу для формирования нового подхода к изучению глобальных форм межкультурных взаимодействий и коммуникаций, позволяет констатировать следующее. Социологический анализ нового

формата межкультурных взаимодействий должен быть сфокусирован на исследовании транснационального социального пространства и его ключевых компонентов. Этими компонентами являются транснациональные акторы, транснациональные взаимодействия и коммуникации, транснациональная идентичность.

В русле транснационального подхода нами была разработана концепция транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий. Теоретико-методологическая значимость этой концепции состоит в ее применимости в социологическом исследовании современных процессов реинституционализации традиционных религий в глобальном пространстве идеологий.

Введенные социологами понятия «глобальная культура», «конструируемые этносообщества», «транснациональные НГО», «транслокальные сообщества», «транснациональные сообщества» послужили концептуальным каркасом для целого ряда исследований pro et contra глобального гражданского общества. Тем не менее, они оказываются недостаточными для изучения направленности и содержания беспрестанно возникающих международных социально-политических конфликтов, инициируемых новыми религиозными консолидациями.

Серьезное методологическое затруднение обозначенной выше дискуссии состоит в том, что вне фокуса анализа оказывается фактор транснационального формата функционирования новых этнических и религиозных консолидаций, возникших во второй половине XX в. Вне научного обсуждения остается их участие в процессе конструирования образа глобальных геополитических связей. Именно поэтому не учитывается и то обстоятельство, что в глобальном пространстве геополитического противостояния конкретных государств провокация этнорелигиозного конфликта стала одной из вполне легитимных форм принуждения к политическому диалогу.

Участниками такого диалога с необходимостью становятся те государства, на территории которых имеются политически конфликтные этноменьшинства и детерриторизированные мигрантские этносообщества, отстаивающие свои права на политическое и национальное самоопределение. Путем обсуждения вопросов о соблюдении прав человека и этноменьшинств в отдельно взятой стране, степеней демократизации конкретного государства, гражданских прав и возможностей детерриторизированных сообществ в их борьбе за самоопределение глобальная публичность продвигает определенные политические тематики. В этом контексте новым способом разворачивания как межкультурного мирного диалога, так и весьма конфликтного геополитического соперничества государств служат этнические и этнорелигиозные конфликты. А межкультурная коммуникация, обеспечивающая драматургию таких

конфликтов, создается усилиями акторов транснациональных коммуникативных сетей религиозных идеологий.

Транснациональные коммуникативные сети (далее — ТКС) — это тематически специфицированные многомерные взаимодействия, которые осуществляются правительственными и независимыми организациями, неформальными группами и индивидами поверх национальных и государственных границ и формируют единое пространство глобального дискурса. ТКС играют важную роль в формировании идеологического сектора глобального сообщества. Они тематически структурируют глобальный публичный дискурс, поскольку являются инструментом актуализации локальных проблем и их продвижения на глобальный уровень международного обсуждения. ТКС играют первостепенную роль в глобальной актуализации локальных конфликтов. Они образуют ту систему координат, в которой формируется содержание и конфигурация конфликта и может производиться внешнее управление конфликтным процессом или его урегулирование. ТКС обеспечивают системный менеджмент конфликта в широком диапазоне мероприятий — преднамеренная провокация конфронтующих сторон или их заблаговременное умиротворение, внешнее дипломатическое или силовое давление на враждующие стороны, шантаж международного сообщества террористической угрозой, вовлечение в конфликт третьих стран и т. д.

Применительно к анализу роли ТКС традиционных религиозных идеологий в глобальной тематизации конфликтов необходимо учитывать типологическое различие таких сетей. Эти сети подразделяются на два типа: собственно религиозные, сформировавшиеся до 1961 г., и новые этнорелигиозные, сконструированные позднее. Старые религиозные ТКС — это сети, созданные христианскими конфессиями (католические, протестантские, православные, автокефальные), направлениями ислама, идеологами иудаизма и т. д. Они сложились исторически в процессах межкультурных взаимодействий и благодаря глобальным потокам тех смыслов, которые возникают благодаря соприкосновению различных социокультурных полей.

Формирование сетей второго типа напрямую связано с центральными событиями всемирной политической истории: разрушением биполярного мира, политическим оформлением Евросоюза, выдвиганием новых ядерных государств, появлением новых детерриторизированных сообществ, открытием границ, глобальным продвижением концепта «гражданское общество». Основными акторами этнорелигиозных ТКС выступают следующие: 1) детерриторизированные этносообщества (новые глобальные диаспоры, мигранты, беженцы); 2) правительства стран исхода; 3) правительства принимающих стран; 4) религиозные и секулярные независимые гражданские организации (РНГО и НГО) прини-

мающих стран; 5) религиозные и секулярные независимые гражданские организации (РНГО и НГО) стран исхода.

Интересы и векторы активности этих акторов образуют ту систему координат, в которой становится возможным создание конфликта, его имитация или реальное управление и прекращение.

Коммуникативный вклад детерриторизированных этносообществ (диаспор) в функционирование ТКС опосредован их насущной потребностью быть допущенными к участию в глобальной политической и гражданской публичности. От этого участия напрямую зависят политическое, социально-экономическое и культурное сохранение и воспроизводство подобных этносообществ. Условием их встраивания в глобальную публичность выступает наличие политически конфликтной идентичности — идентичности этноменьшинства, борющегося за свои права, социокультурное или религиозное самоопределение. Такого рода идентичности — это новый паттерн политического участия, сформированный в ходе межкультурного взаимодействия Востока и Запада.

В силу экономических, политических и геополитических факторов правительства стран исхода и принимающих стран с необходимостью оказываются вовлеченными в разнообразные взаимодействия, нацеленные на профилактику и регулирование проблемы этноменьшинств в локальном (государственном) и транснациональном форматах.

Интенсивная межкультурная коммуникация по темам прав человека, демократии, политического участия в транснациональных пространствах породила принципиально новый тип организационного участия. Под новым типом организационного участия мы подразумеваем транснациональные правозащитные независимые гражданские организации (НГО), которые по своей религиозной принадлежности связаны с теми или иными детерриторизированными сообществами (этнорелигиозными диаспорами, мигрантами, беженцами). Наряду с ними сформировались религиозные независимые гражданские организации (РНГО*) и этнические гендерные НГО по защите прав женщин, а также НГО «узников совести» (бывших политзаключенных) и молодежные НГО борцов за политическое и национальное самоопределение «насильственно присоединенных территорий».

Религиозные НГО в странах исхода и в принимающих странах нацелены на активное влияние в политической и гражданской сферах по темам прав человека, устойчивого развития, управления, экологии, миротворчества и т. д. Однако векторы транснационального развертыва-

* Понятие РНГО разработано Джулией Бергер и введено в статье «Религиозные неправительственные организации: исследовательский анализ» (Berger 2003: 16).

ния этого влияния задаются их взаимодействием с детерриторизированными этносообществами. Как правило, в гражданскую и политическую публичность РНГО вбрасывают лишь те темы, которые актуальны для развертки текущей геополитической ситуации.

В качестве иллюстрации разработанной концепции мы рассмотрим ТКС уйгурского национализма, которая ныне образует то межкультурное коммуникативное пространство, в котором задействованы акторы различных государств Центральной Азии — региона, где соприкасаются интересы США, КНР и России.

Тема нарушения прав национальных меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее — СУАР) Китая чрезвычайно востребована в ситуации глобального геополитического взаимодействия США, КНР и России. Каждая из держав имеет свои интересы в Центральной Азии и стремится реализовать их с привлечением ангажированных партнеров. В транснациональной коммуникации по уйгурскому вопросу участвуют все те, кто напрямую позиционирует свою заинтересованность в эскалации политических конфликтов в Центральной Азии, и те, кто оказывается вынужденным реагировать на результаты провокаций.

Современная постановка уйгурского вопроса вызрела в процессе определения векторов коммуникативной активности уйгурской диаспоры, администрации КНР, правительств стран Азии и Запада, принявших уйгурских беженцев, а также разнообразных международных и этнических НГО. Интересы и векторы активности каждого из участников образуют ту систему координат, в которой глобальному политическому сообществу преподносится уйгурский вопрос и возможные пути и перспективы его решения.

В транснациональной коммуникации заинтересованных сторон конкретное содержание уйгурского вопроса варьирует в зависимости от динамики политической ситуации, расстановки сил в регионе, перспектив освоения энергетических и сырьевых ресурсов Центральной Азии и т. д. Однако ключевые пункты уйгурского вопроса выглядят достаточно просто: СУАР определен как потенциальный очаг этнорелигиозного насилия, чреватого террористическими актами и разрушением традиционной культуры этнических меньшинств.

Транснациональный формат уйгурского вопроса обеспечивает новая драматургия его актуализации. Так, этнические и этнорелигиозные столкновения локализуются в КНР — в СУАР, а их политическое форматирование и публичное обсуждение осуществляются за пределами КНР — в пространстве глобального международного дискурса о демократических свободах, правах человека и национальных меньшинств.

Итак, рассмотрим основных участников ТКС уйгурского национализма.

- уйгурская диаспора, включающая в себя анклавные уйгурские беженцев и их потомков в Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Пакистане, Иране, Афганистане, Египте, в США, ФРГ, Бельгии, Австралии, Канаде, Великобритании, Швеции, Норвегии, Италии, на Тайване, в Японии. К уйгурской диаспоре также относятся и уйгурские анклавные Казахстана, Кыргызии, Таджикистана, Узбекистана (образовавшиеся еще в период существования этих стран в составе СССР);
- администрация КНР;
- Всемирный уйгурский конгресс (ВУК), выполняющий функции правительства в изгнании;
- администрации государств, на территории которых проживают уйгурские беженцы;
- независимые гражданские организации (далее — НГО) — международные уйгурские НГО, уйгурские этнические НГО и международные НГО в поддержку политического самоопределения Восточного Туркестана.

Востребованность ТКС уйгурского национализма в современном международном формате принуждения к политическому диалогу обусловлена следующими составляющими ее политической конфликтности:

- поддерживаемые демократическим Западом геополитические претензии уйгурского детерриторизированного этносообщества на культурную и национальную автономию в пределах территориальных границ КНР;
- экстремистский и правозащитный форматы дискурса об «уйгурском вопросе» — «независимость Восточного Туркестана», «построение пантюкистского государства», «уйгурский народ в изгнании», «права уйгурского этноменьшинства», «культурный и религиозный геноцид в СУАР»;
- многолетний опыт межэтнических столкновений и кровавых волнений в СУАР, регулярно повторявшихся на протяжении 1980-х и 1990-х гг. В этом контексте июльские волнения 2009 г. в Урумчи и глобальный отклик уйгурских анклавов, этнических и правозащитных НГО следует трактовать как акт демонстрации транснационального потенциала конфликтности ТКС уйгурского национализма;
- реструктуризация деятельности ТКС уйгурского национализма, ее консолидация в новом правозащитном формате.

Рассмотрим подробно каждого из акторов, динамику их формирования, интересы и векторы активности.

До 2000-х гг. уйгурский вопрос вставал на повестку дня в связи с обсуждением типологически различных геополитических стратегий, раз-

виваемых КНР, с одной стороны, и странами Запада — с другой. Но их, тем не менее, объединяла общая смысловая доминанта — формирование политически конфликтных детерриторизированных сообществ, консолидированных по этнорелигиозному признаку. И эта скрытая стратегическая линия, проводимая обеими сторонами, возымела свой результат. На мировой политической арене прочно закрепилась новая конфликтная единица — уйгурская диаспора. Благодаря ее активности в пространстве глобальной публичности постоянно присутствует тема «уйгурского народа в изгнании», попирания прав и свобод национальных меньшинств в «тоталитарном» Китае, «культурного геноцида в Синьцзяне».

Усилиями политических лидеров и эмиссаров уйгурской диаспоры правительства тех стран Востока и Запада, на территориях которых располагаются анклав уйгурских беженцев, оказались поставленными перед необходимостью учитывать в своей внутренней и внешней политике потенциал конфликтности, непрерывно поддерживаемый в этих анклавах.

Следует особо подчеркнуть, что поток уйгурских беженцев был выброшен в мир благодаря геополитическим инициативам КНР в Центральной Азии. В 1949 г. китайская администрация аннулировала созданное в 1944 г. при поддержке СССР государство Восточный Туркестан и объявила его территорию неотъемлемой частью КНР под названием Синьцзян (букв. «Новая граница»). Развернувшаяся в 1960–1970-х гг. непримиримая борьба политического руководства КНР с уйгурами-мусульманами в Синьцзяне, жестокое подавление этнического сопротивления спровоцировали массовый исход уйгуров в страны Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока, миграцию части беженцев в западные государства.

Принципиальной составляющей стратегии КНР в разработке уйгурского вопроса выступило превращение Восточного Туркестана в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Преодолевая драматические издержки «культурной революции» в национальной политике, китайская администрация вложила средства в создание в СУАР современных систем начального и среднего образования, в которых уйгурский язык используется наряду с китайским языком, были отстроены мечети и частично возрождены институты исламской модели общества. С 2000 г. китайская администрация ввела в действие программу «Великое развитие западных районов». Экономическое развитие СУАР в этой программе играет ключевую роль, поскольку на его территории находятся газовые и нефтяные месторождения (Bhattacharya 2003: 369), и Пекин обеспечивает их разработку значительными финансовыми и трудовыми ресурсами.

Предпринимаемые КНР шаги по развитию СУАР мотивированы в первую очередь интересами внутренней политики, нацеленной на преодоление социально-экономической отсталости западных территорий страны и на расширение доступа к энергоносителям. Во внешне-экономической политике «Великое развитие западных районов» (Besquelin 2004: 358–378; Goodman 2004: 317–334) открыло перспективу установления долгосрочных связей с вновь возникшими странами Центральной Азии — бывшими республиками СССР.

Реализация этих позитивных инициатив имеет и оборотную сторону. Демографическая масса уйгурского национального меньшинства явно недостаточна для решения поставленных задач, которое во многом обеспечивается за счет трудовых ресурсов ханьского этноса, что неизбежно влечет за собой нарастание межэтнической напряженности. Социально-экономическая и социокультурная модернизация ведет за собой трансформацию хозяйственного уклада, образа жизни и проч. (Gang Li 2000). Все это интерпретируется частью коренного населения как уничтожение традиционных устоев культуры и разрушение природной среды традиционного обитания. Именно эти смыслы транслируются в ТКС уйгурского национализма, звуча в унисон с требованиями «независимости Восточного Туркестана».

В ТКС уйгурского национализма китайская администрация представляет правительство страны исхода. Векторы ее активности, цели и интересы отчетливо видны в постулируемой непримиримой позиции по отношению к уйгурским беженцам, их религиозно-идеологическим и политическим лидерам, разнообразным НГО, борющимся за политическое и культурное самоопределение Синьцзяна.

Политическое руководство КНР охотно актуализирует уйгурский вопрос в межгосударственных контактах со странами Запада и исламского Востока, где существуют анклавные беженцев. Китай регулярно выдвигает демонстративные требования о принудительной депортации уйгурских беженцев из принимающих стран, оказывает давление на правительства, выдающие паспорта и виды на жительство уйгурам, и громогласно квалифицирует последних в качестве политических диссидентов и шпионов и т. п. Используя риторику глобальной личности о необходимости международной борьбы с исламским экстремизмом, Пекин в 2002 г. сумел заручиться согласием США и ООН квалифицировать головные НГО уйгурских эмигрантов в качестве террористических сообществ.

Участие стран Запада, преимущественно США и ФРГ, в ТКС уйгурского национализма во многом обусловлено исторически сложившимися геополитическими интересами к Синьцзяну, имеющему протяженную границу с государствами Центральной Азии. Именно эти интересы

мотивируют вовлеченность США и ФРГ в политические судьбы уйгурской диаспоры, заставляя оказывать финансовую и идеологическую поддержку в тенденциозной возгонке уйгурского вопроса. В данной связи следует отметить, что локализации уйгурских анклавов в странах Востока и Запада были предопределены геополитическими диспозициями прежнего биполярного мира. «Аккомодация» уйгурских беженцев, финансирование соответствующих гуманитарных программ и фондов поддержки производились принимающими странами преимущественно в соответствии с собственными ориентациями в условиях противостояния США и СССР. Но одновременно ими учитывались и отношения с коммунистическим Пекином.

Судьбы уйгурской диаспоры первоначально складывались не слишком успешно. Значительные потоки уйгурских беженцев устремились в 1950-х гг. в направлении советской Центральной и Средней Азии — в Казахстан, Кыргызию, Таджикистан, Узбекистан. В числе стран Ближнего и Среднего Востока, принявших уйгурских политических и религиозных беженцев, оказались Пакистан, Турция, Саудовская Аравия, Иран, Афганистан, Египет. Правительства этих государств идеологически поощряли и финансировали возвращение религиозного и националистического экстремизма уйгурской диаспоры. Не препятствовали они и созданию разномастных мусульманских и секулярных уйгурских НГО, ратовавших за восстановление независимого Восточного Туркестана или за создание пантюкистского государства. Однако парадокс состоял в том, что возвращаемый десятилетиями потенциал национализма и религиозного экстремизма стал основным препятствием на пути идеологической консолидации разрозненных уйгурских анклавов и соответственно успешного проникновения диаспоры в пространство глобальной публичности.

Исламская ориентация уйгурской диаспоры, террористические акции ее головных организаций вредили благосклонному восприятию уйгурского вопроса в контексте западной демократии. Уйгурские анклавы в США, Бельгии, ФРГ, Австралии, Канаде, Великобритании, Швеции оказались предоставленными самим себе и правительствам принявших их государств. Не имея солидарной внешней поддержки, они пребывали вне какой-либо связи друг с другом и не выделили из своей среды единого руководства, способного к целенаправленной активности.

До середины 1990-х гг. в межкультурное взаимодействие по уйгурскому вопросу была вовлечена только Турция (Shichor 2003: 286–291), союзница США по НАТО. Турецкая администрация предоставляла эмигрантам-уйгурам гражданство, финансировала создание уйгурских политических организаций, способствуя росту националистической

идеологии уйгурского сепаратизма. Однако в середине 1990-х гг. Турция и КНР пришли по инициативе Пекина к определенному консенсусу по проблеме этнического сепаратизма — уйгурского и курдского (Shichor 2009: 32). В результате в 1998 г. официальная Анкара заявила о своем признании СУАР неотъемлемой частью КНР, запрете на политически конфликтные выступления уйгурской диаспоры на турецкой территории и о решении более не предоставлять гражданства уйгурским беженцам. Созданные уйгурами в Турции НГО борцов за независимость Восточного Туркестана оказались принужденными передислоцироваться в США и ФРГ.

Участие США в ТКС уйгурского национализма вплоть до начала 2000-х гг. имело спорадический характер и ограничивалось инспирацией уйгурской темы в деятельности международных организаций Amnesty International (AI) и Unrepresented Nations and People's Organization (UNPRO). Однако обе они были хорошо приспособлены к работе в условиях биполярного мира, непроницаемости границ национальных государств и эффективности международного права. На волне глобализации эти международные организации оказались не в состоянии обеспечить демократический пиар, необходимый уйгурской диаспоре. Следовавшие одна за другой на протяжении 1990-х гг. кровопролитные этно-религиозные стычки в СУАР (Millward 2004: 14–16) не могли найти должного отклика ни в западных СМИ, ни в пространстве глобальной публичности.

Вовлечению «уйгурского вопроса» в глобальную публичную дискуссию о демократии и правах человека препятствовали установки на борьбу с исламским экстремизмом и терроризмом, а также процессы, актуализировавшиеся вследствие распада СССР. Вновь возникшие государства Центральной Азии (далее ЦА) соприкоснулись с беспрецедентным феноменом уйгурского сепаратизма, акциями радикально настроенных уйгурских НГО, взрастивших свои филиалы на территории бывших советских республик. Именно эти беспрецедентные прежде консолидированные акции побудили правительства государств Центральной Азии благосклонно откликнуться на инициативу правительства КНР по созданию Шанхайской Организации Сотрудничества.

Исламский терроризм, провозглашенный США в конце 1990-х гг. новым врагом демократии и мира в глобальном масштабе, окончательно свел на нет шансы обсуждения уйгурского вопроса в ракурсе этнорелигиозного сепаратизма. США и страны Европы были вынуждены отказаться от открытой поддержки экстремистских сил в уйгурской диаспоре. В результате тянувшаяся в течение двух лет после вынужденного ухода из Турции публичная конфронтация между созданным в Вашингтоне «Правительством в изгнании Восточно-Туркестанской Республи-

ки» (ПивТР) и «Всемирным Уйгурским Конгрессом» (ВУК), дислоцированным в Мюнхене, увенчалась полной дискредитацией ПивТР в глазах западных правозащитных организаций и его расформированием (Островская 2010: 50).

В качестве респектабельной цели ВУК провозгласил борьбу за демократию и этнокультурное самоопределение уйгуров. Значительную поддержку подобному развороту уйгурского вопроса оказали международные СМИ. Именно они обеспечили усиленную масс-медийную презентацию ВУК в качестве той этнической организации уйгурской диаспоры, которая может выступить компетентным участником глобального дискурса о демократических свободах, правах человека и национальных меньшинств.

Тенденция в направлении реструктуризации уйгурского вопроса наметилась в 2004–2005 гг., когда идеологические лидеры уйгурской диаспоры заговорили о необходимости консолидировать силы и обновить векторы активности за счет выдвижения нового лидера и постановки новых задач. На роль духовного лидера была избрана Рабия Кадир — бывшая политическая узница «тоталитарного» Китая, мать одиннадцати детей, проживавшая в иммиграции в США. Именно такая женщина-лидер оказалась наиболее пригодна для придания демократической респектабельности уйгурскому национализму исламской направленности.

В пространстве межкультурных транснациональных коммуникаций новый паттерн политического лидера был воплощен образом многострадальной матери-героини, мусульманки, вышедшей из народа и ставшей голосом этого народа на публичных трибунах глобальной международной общественности.

Литература

Островская-мл. Е.А. Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005.

Островская Е.А. Транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4.

Островская Е.А. Традиционные религиозные идеологии в эпоху глобализации // Современная социологическая методология — от теории к практике / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Северная Нива, 2012.

Островская Е.А. Уйгурский проект // Вестник Аналитики. Журнал аналитических материалов. 2010. № 2 (40).

Albrow M. Frames and Transformations in Transnational Studies. Paper delivered to the ESRC Transnational Communities Programme Seminar in the Faculty of Anthropology and Geography, University of Oxford, 8th May 1998. [http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/albrow.pdf].

Alexander Jeffrey C. "Globalization" as Collective Representation: The New Dream of a Cosmopolitan Civil Sphere // Rossi I. (Ed.) *Frontiers of Globalization. Theoretical and Methodological Approach.* New York, 2007. Pp. 371–382.

Bartelson J. Making Sense of Global Civil Society // *European Journal of International Relations.* 2006. Vol. 12 (3).

Basch L., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. Nations unbound: transnational projects, postcolonial predicaments, and deterritorialized nation-states. New York: Gordon and Breach, 1994.

Basch L., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly.* 1995. 68(1).

Becquelin N. Staged Development in Xinjiang // *The China Quarterly.* 2004. Vol. 178.

Berger J. Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations.* 2003. Vol. 14. No 1. March.

Beyer P. Religion and Globalization. London, 1994.

Bhattacharya A. Conceptualising Uyghur separatism in Chinese nationalism // *Strategic Analysis.* 2003. 27(3).

Casanova J. Public Religions in the Modern World. London, 1994.

Faist T. Transnationalization in international migration: implications for the study of citizenship and culture // *Ethnic and Racial Studies.* 2000. 23(2).

Faist T. The transnational turn in migration research: perspectives for the study of politics and polity // Frykman M.P. (Ed.) *Transnational spaces: disciplinary perspectives,* 2004.

Faist T. Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalization and Changing Institutions // *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2010. Vol. 36. No 10. Pp. 1667.

Gang Li. China's Restless Minorities: Chinese Policy in Tibet and Xinjiang // Capitol Hill Breakfast Seminar Sponsored by the Woodrow Wilson Center's Asia Program, 2000. [http://www.wilsoncenter.org/index.cfm?fuseaction=events.event_summary&event_id=3775].

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration // Glick Schiller N., Basch C. (Eds.) *Toward a Transnational Perspective on Migration.* New York: New York Academy of Sciences, 1992.

Goodman D.S.G. China's Campaign to "Open Up the West": National, Provincial and Local Perspectives // *The China Quarterly.* 2004. Vol. 178.

Kaiser K. Transnational Politics: Toward a Theory of Multinational Politics // *International Organization.* 1971. Vol. 25. Issue 04.

Kaldor M. The ideas of 1989: The origins of the concept of global civil society // *Global Civil Society: Answer to War.* Cambridge, 2003.

Kastoryano R. Transnational participation and citizenship: Immigrants in the European Union // *Transnational Communities Programme. Working Paper No 12.* 1998. [http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm].

Keane J. *Global Civil Society.* Cambridge, 2003.

Keohane R.O., Nye J.S. (eds.). *Transnational Relations and World Politics.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.

Levitt P. Between God, Ethnicity, and Country: An Approach to The Study Of Transnational Religion. // *Transnational Communities Programme. Working Paper No 13.* 2001. [http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm].

Levitt P. “You Know, Abraham Was Really the First Immigrant”: Religion and Transnational Migration // *International Migration Review*, 2003.

Levitt P. *God Needs No Pass. Immigrants and the Changing American Religious Context.* New York, London: The New Press, 2007.

Levitt P., Glick Schiller N. *Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society*, 2004.

Mansbach R., Ferguson Y., Lampert D. *The Web of World Politics: Nonstate Actors in the Global System.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.

Millward J. *Violent Separatism in Xinjiang: A Critical Assessment* *Violent Separatism in Xinjiang: A Critical Assessment.* Washington, DC: East-West Center Washington, 2004.

Munck R. *Global Civil Society: Myths and Prospects* // *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2002. Vol. 13. No 4. December.

Pattie S. *Longing and belonging: issues of homeland in the Armenian diaspora* // *Transnational Communities Programme. Working Paper No 11.* 1999. [http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm].

Portes A. *Globalization from Below: The Rise of Transnational Communities* // *Transnational Communities Programme. Working Paper No 01.* September 1997a. [http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm].

Portes A. *Immigration theory for a new century: Some problems and opportunities* // *International Migration Review*. 1997b. Vol. 31 (4).

Pries L. *The approach of transnational social spaces* // L. Pries (Ed.) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century.* London: Routledge, 2001.

Robertson R. *Globalization, Politics and Religion* // Beckford A., Luckmann Th. (eds.) *The Changing Face of Religion.* Beverly Hills, 1989.

Shichor Y. *Virtual Nationalism: Uyghur Communities in Europe and the Quest for Eastern Turkestan Independence* // *Muslim networks and transnational communities in and across Europe* / Ed. by S. Allievi, J. Nielsen. Leiden, Boston: Brill, 2003 (Muslim minorities. Vol. 1).

Shichor Y. *Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations* // *East-West Center Policy Studies*. 2009. Vol. 53.

Vertovec S. *Transnationalism and Identity* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001a. Vol. 27.

Vertovec S. *Transnational Challenges to the ‘New’ Multiculturalism.* Paper presented to the ASA Conference held at the University of Sussex. 2001b. 30 March — 2